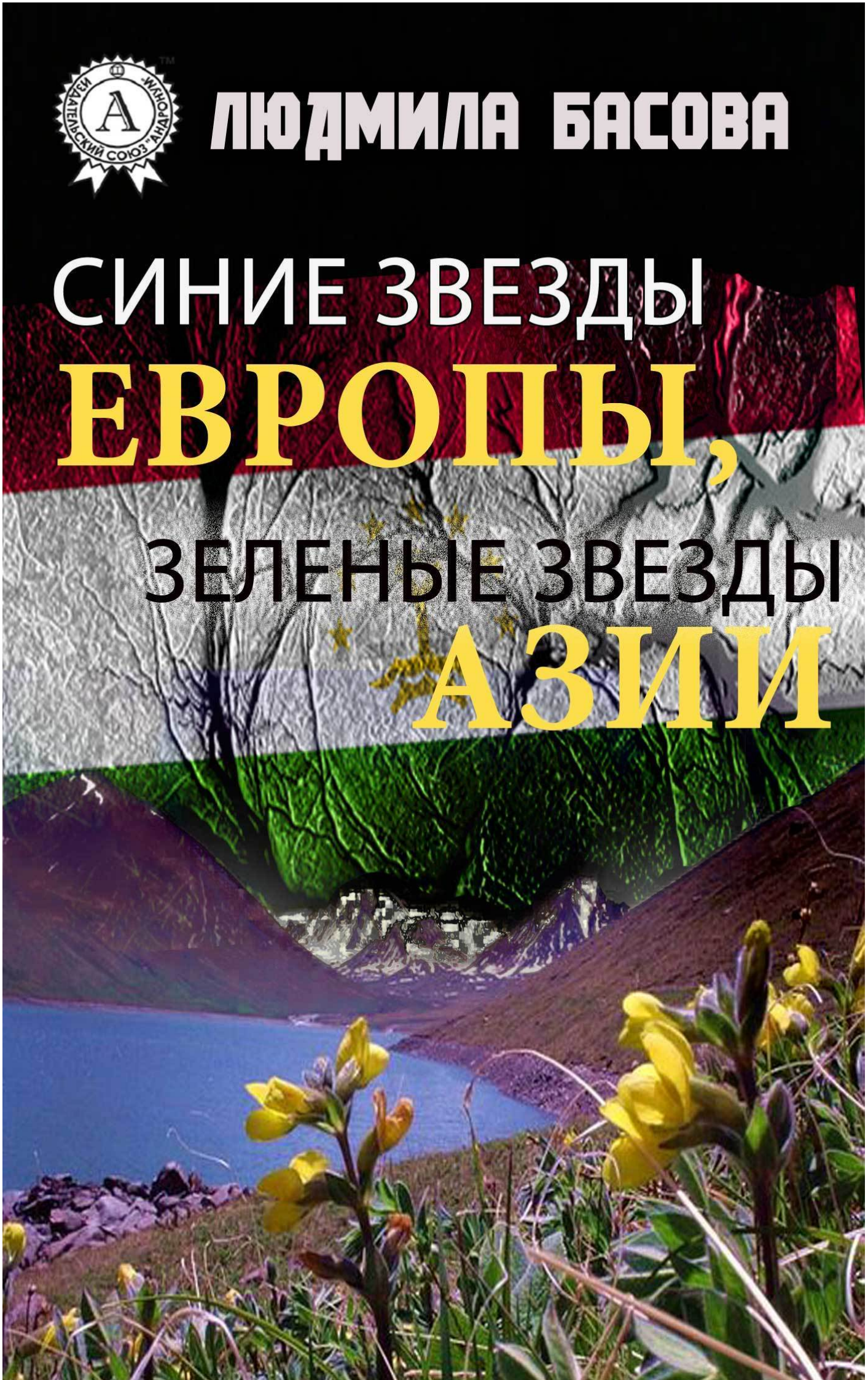
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ "АНДРОНУМ"
ЛЮДМИЛА БАСОВА
СИНИЕ ЗВЕЗДЫ
ЕВРОПЫ,
ЗЕЛЕНЫЕ ЗВЕЗДЫ
АЗИИ

Людмила Басова

Синие звезды Европы, зеленые звезды Азии

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Басова Л.

Синие звезды Европы, зеленые звезды Азии / Л. Басова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

В первой части романа – «Синие звезды Европы, зеленые звезды Азии» рассказывает о судьбах людей нескольких поколений. Тех, кто бежал от сталинских репрессий, кто был сослан – кулаки, «безродные космополиты», а так же те, кто по зову сердца и комсомольским путевкам приехал помогать молодой республике - Таджикистану.Многое пережили эти люди, но на их долю выпало и еще одно испытание – гражданская война, развязанная исламскими радикалами. Первая на постсоветском пространстве, о которой, к сожалению, нет ни книг, ни фильмов.На протяжении всего романа главной линией проходит любовь двух уже немолодых людей. В основе романа – биография автора. Вторая часть – «Верблюжья колючка – предтеча любви» - о том, с какими сложностями пришлось столкнуться вернувшимся после развала Союза на «историческую Родину», в Россию, людям. Ну и, конечно же – о любви.

© Басова Л.
© Мультимедийное издательство Стрельбицкого

Содержание

Часть 1 6
ГЛАВА I 6
ГЛАВА II 20
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Людмила Басова
СИНИЕ ЗВЕЗДЫ ЕВРОПЫ, ЗЕЛЕНЫЕ ЗВЕЗДЫ АЗИИ

Незабвенному мужу Леониду Пащенко посвящаю.

Часть 1
СИНИЕ ЗВЕЗДЫ ЕВРОПЫ, ЗЕЛЕНЫЕ ЗВЕЗДЫ АЗИИ

ГЛАВА I

Полуживая возвращалась Алина с грузовой станции «Душанбе-2». Туда и в добрые времена было трудно добраться. Доехать до конечной 15-го автобуса, а потом своим ходом, никакого транспорта. Правда, можно было взять такси или остановить попутку. Но теперь ни автобусов, ни такси. Попутки, правда, нет-нет, да встречаются на дорогах, только садиться в них опасно. Сядешь – и все, с концами. Разъезжают в автомобилях в основном исламские боевики. Мирные жители попрятались по своим норам, без особой необходимости на улицу не выходят. Но у Алины такая необходимость была: три месяца назад заказали контейнер, и ни с места. Вот и сегодня ей опять сказали, что очередь не продвинулась, контейнеры из России долго не возвращаются, а желающих уехать из мятежной республики все больше и больше.

До дома уже рукой подать, уже почти дошла, но сил не было. Отекли, устали ноги. Да и жара сегодня – за тридцать перевалило, а ведь всего-то начало марта. Вот и решила Алина зайти в магазин, перевести дух. Покупать ничего не собиралась, да там ничего и не было, но когда-то в этот магазин поставляли продукты для диабетиков, – дефицитную гречку, сладости на ксилите, тушенку, а то и постную говядину. Обустроен он был по-особому. Вдоль всей стены, напротив прилавка, удобная мягкая скамейка, чтоб могли больные люди, часами стоявшие в очереди, посидеть, передохнуть. Да и знакомый продавец Салим нравился Алине: не было в нем ни хамства, ни угодливости, столь сочетаемых в доблестных работниках прилавка времен застоя. Кроме того, Салим, как заметила Алина, с особым почтением относился к людям образованным, ученым, а значит, ко всем жильцам писательского дома, как его называли в народе: построен дом на средства литфонда. Ее, Алину, иначе, как муаллима,[1] не называл.

Слава Богу, магазин открыт. Салим скучает за прилавком, а самое главное – прохладно.

– Добрый день, Салим! Можно у тебя передохнуть?

Салим приветливо улыбнулся.

– Отдыхай, муаллима. Видишь – продуктов нет, покупателей нет. Зато можно чай попить, у меня горячий.

– С удовольствием выпью, Салим, в горле пересохло.

Наливая зеленый чай в пиалу, скороговоркой стал говорить положенные приветствия в форме вопроса: все ли у вас хорошо, здоровы ли родные, как чувствует себя хозяин?

Алина кивала головой, в свою очередь осведомляясь о здоровье самого Салима и его семьи. Усталость отпускала, Алина блаженно расслабилась, не сразу восприняв вопрос:

– Квартиру, муаллима, продали?

Сразу же внутренне подобралась и, отставляя пиалу со словами благодарности, не торопилась отвечать. Ее уже не раз предупреждали: с этим поосторожней. Говорить надо – либо уже продали, либо вообще не собираемся. В микрорайонах продать жилье было, практически невозможно, разве уж совсем за бесценок, чтоб хватило на отправку контейнера и

[1] Муаллима – учительница, наставница

билеты на самолет. Но за их квартирами в элитном доме велась настоящая охота. Посмотрела в лицо Салиму, встретилась глазами и сказала, как есть:

– Еще не продали, но договорились с надежным человеком.

Надежным человеком был их давний друг, Шавкат Гулямов, врач, преподаватель мединститута. За то время, пока подойдет очередь с контейнером, он собирался подзанять у родни денег. Конечно, квартиру можно было продать дороже, но рисковать Алина с мужем не хотели. Кроме того, что Шавкат свой, порядочный человек, его зять, летчик, обещал пронести с собой в самолет доллары, отдать их уже в Москве. Ведь устроили идиотизм: продавать квартиры можно, а вывозить доллары – нет.

– Куда едете, муаллима?

– Во Владимир. У нас там сын живет.

– Сын – это хорошо, – вздохнул Салим. – У меня пятеро детей и все дочки. Я их всех хотел выучить, всех… А-а-а, – махнул рукой Салим, и Алина увидела, как запечалилось его лицо, как сжались, легли в скобочку полные губы.

– Ничего, Салим, может, все еще образуется, – произнесла Алина дежурную фразу, от которой самой стало неловко. Сейчас спросит – чего ж, мол, съежаете-то?

Но он заговорил о другом.

– Муаллима, я почему про квартиру спросил… Если уезжаете, у меня родственник таможенник, начальник. Не самый главный, но может помочь с контейнером. И чтоб досмотр не производили.

– Наверное, сам Бог мне сегодня подсказал: загляни к Салиму, – обрадовалась Алина. – Только что с контейнерного двора. Третий месяц на очереди – и ни с места. А что досмотр, так мы не боимся, ничего неположенного вывозить не собираемся.

– Вы не знаете, муаллима… Контейнеры у русских так просто не пропускают. Скажут – все выбрасывайте на землю, а потом начнут: это нельзя, это нельзя, хотя можно. Вы все сложите хорошо, а потом они так запихают, половина не влезет.

Алина согласно кивала, – она уже не раз слышала о бесчинствах на таможне.

– Только знаете, за это платить надо… – Салим перешел на шепот, хотя в этом не было никакой необходимости. Время от времени в магазин заглядывали какие-то люди, но, увидев витрины, заставленные банками с виноградным соком и зелеными помидорами, тут же разворачивались обратно.

– Это понятно, Салим. Кто же станет делать бесплатно? Не беспокойся, деньги у нас есть, сын передал. А сколько надо, не знаешь примерно?

– Он сам скажет. Мы зайдем вместе, договоритесь.

– Дай Бог тебе здоровья. Будем ждать.

– Хозяину привет передавайте, – Салим вышел на порог, провожая Алину.

Домой Алина вернулась в хорошем настроении, дверь открыла своим ключом, чтоб не беспокоить мужа. Константин Леонидович сидел в кресле, на подлокотнике дымилась в пепельнице сигарета. Лицо мужа было отстраненно задумчивым, взгляд обращен внутрь себя. Алина глянула на беспорядочно разбросанные по столику пожелтевшие газеты и журналы и догадалась, в каких далях он сейчас витает…

Десять лет назад Константин Леонидович попал в автомобильную катастрофу, с тех пор хромал, ходил, опираясь на трость. Три операции мало, чем помогли: левая нога так и осталась короче, не гнулась в бедре. Тем не менее, в мирное время он не очень страдал от своей хромоты. Они жили в самом центре Душанбе, все было под рукой: редакция литературного журнала, в котором он уже лет двадцать трудился, в нескольких минутах ходьбы от дома, рядом автобусная и троллейбусная остановки. По субботам, как правило, объезжал все книжные магазины города, а в воскресенье отправлялся на Зеленый базар, хотя Путовский базар находился на одной улице с ними, надо лишь пройти по подземному переходу.

Просто Зеленый был живописнее, богаче, торговали там, в основном, узбеки, а не таджики, и Константин Леонидович, покупая приправы к плову или свежую зелень, иногда подолгу беседовал с ними на узбекском языке… Теперь, когда встал общественный транспорт, а на улицу стало опасно выходить и здоровым-то людям, он словно обезножил. Все хлопоты, связанные с отъездом, легли на Алину, и муж чувствовал себя не у дел, переживал, что не может помочь, хотя это было не так. Целыми днями он упаковывал в коробки книги, разбирался с архивом. Они давно уже были профессиональными литераторами, больше, правда, переводили, чем писали и издавались сами (особенности национальной политики в республиках Союза), но архив Костя собирал еще с журналисткой юности, еще с тех времен, когда работал в Узбекистане собкором молодежной газеты в Голодной степи. Причем, хранил не только номера со своими поэтическими подборками, но и с репортажами, очерками, а также первыми рассказами Алины.

– Милый, ты где, ау? – позвала Алина.

– Слава Богу, вернулась, – встрепенулся Константин Леонидович. – Вроде тихо, не стреляют, а все равно, как уйдешь, места себе не нахожу…

– Да брось ты… Все хорошо. Лучше расскажи, в каких далях витал?

Взяла в руки газету.

Ага, «Комсомолец Узбекистана». И что же здесь за красавец?

Константин Леонидович действительно был, как выражалась одна из приятельниц Алины, красив до неприличия. Даже сейчас, когда уже перешагнул пятидесятилетний рубеж и стал совершенно седым. Но это была зрелая, отточенная временем, освещенная пережитым красота. А здесь, на черно-белом, уже выцветшем снимке, он был чудо как хорош. Стоял на фоне бескрайней степи, чуть-чуть задрав голову, с улыбкой во все лицо, с раскинутыми в сторону руками, словно собираясь взлететь. Екнуло, забилось часто-часто сердце… Вот таким Алина повстречала его почти тридцать лет назад. Повлажневшими глазами пробежала по строчкам стихотворения под заголовком: «Степь моей юности».

Дни так горячи, ночи так коротки,
Дороги, как ветер, внезапны.
Я люблю вас, вагонные городки,
Поезда, уходящие в завтра…

Дальше читать не смогла, да в этом и не было необходимости: она помнила его наизусть.

Через день пришел Салим вместе с родственником, – суетливым, маленьким человеком неопределенного возраста по имени Бахтиер. Тот походил по квартире, раскрыл несколько коробок с книгами, пострелял глазками направо-налево, спрашивая при этом, правда, скорее с утвердительной интонацией: оружие не везете, наркотиков нет, да? Договорились. В пятницу после обеда приедет машина с контейнером, останется на ночь, грузите спокойно, не торопитесь. Утром подойдет водитель, вы поедете вместе с Салимом, там будет Саид, скажете ему, что Бахтиер сам все смотрел. Деньги давайте сейчас.

Взяв деньги, все-таки осведомился:

– Квартиру продали?

– Продали, – ответила Алина, выразительно глянув на Салима. Тот незаметно кивнул: понял, мол…

– Жаль-жаль, – покачал головой Бахтиер. И вдруг накинулся на Салима: – Ты знал, почему не сказал?

– Он не знал, – вступилась за Салима Алина. Посмотрела на ставшее злым лицо Бахтиера, на мелкие хищные зубы, вдруг прикусившие нижнюю губу, и подумала: Господи, как

хорошо, что не стали гоняться за ценой, ждать «дорогих» покупателей. Хоть бы все получилось с контейнером…

Если бы не бесценная библиотека, которую они с Костей собирали всю жизнь и где не было ни одной случайной книги, ни за что не стали бы связываться с контейнером. Мебель допотопная, телевизор и холодильник тоже свое отслужили. Но коль уж все равно проходить через эти тернии, то Алина решила брать все, вплоть до мелкого кухонного скарба. Еще неизвестно, как сложится жизнь там и будет ли на что покупать те же ложки-плошки…

Грузили до позднего вечера. Пришли помогать те из друзей, кто еще оставался в городе, но основной рабочей силой были соседи – причем, самого разного возраста – от десятилетних мальчишек, подтаскивающих что полегче, до пожилых мужчин. Они же и дежурили до утра во дворе, стерегли контейнер.

Утром Алина села в «Жигули» к Салиму, и они поехали вслед за грузовиком…

К ним сразу же подошел таможенник – коренастый, в камуфляжной форме. Некрасивое, смугло-кирпичное лицо, мало похож на таджика: глаза узкие, нос приплюснутый, с вывернутыми ноздрями. Уйгуры[2] в роду подмешаны, – машинально отметила про себя Алина.

Рывком распахнул дверцы контейнера, не глядя на Алину, бросил:

– Выгружать на досмотр сами будете? Если наши грузчики – платить надо.

– Подожди, брат, – подошел к нему Салим и заговорил по-таджикски, – тебя как зовут, уважаемый? Саид-ака, да? Вот хорошо… Бахтиер велел тебе передать, что сам смотрел, мы договорились, что больше смотреть не будут. Спроси у него, если не веришь.

– Э-э, – таможенник покачал головой, – Бахтиера сейчас нет, откуда я знаю…

– Клянусь, брат… Если забыл, давай найдем его.

– Бахтиер, Бахтиер… Родственник, говоришь? Бахтиер хороший человек. Сам живет и нам дает. Не придет он, не надо ждать. Эй, Мумин, – окликнул стоящего неподалеку парня. – Иди сюда, выгружать будем.

Салим беспокойно оглянулся на Алину Николаевну. В отличие от таможенника, он знал, что она понимает каждое слово.

Парень ленивой походкой подошел к контейнеру. Этот был красавец. Матово-смуглый, с правильными чертами лица, с копной густых черных волос и серыми глазами.

Памирец, потомок Александра Македонского. Если верить истории, полководец вырезал в горных кишлаках мужчин и оставлял своих воинов для потомства, – подумала Алина и тут же одернула себя: Господи, о чем это я? Зачем мне это сейчас?

Подошла к таможеннику:

– Вы знаете, Бахтиер действительно сам делал досмотр. У нас ничего такого… Мы писатели, люди мирные. Только старая мебель и книги. Картин несколько.

Парень спросил:

– Что, Саид-ака, начинать?

Саид, между тем, вытащил аккуратно заложенную между стенкой контейнера и коробкой с книгами картину, разорвал бумагу, в которой она была упакована. Пейзаж в темных, почти в черных тонах был написан маслом на куске старой фанерки.

– Говоришь, картины, да? На картин тоже разрешение министерства культур-мультур надо, не знаешь? – таможенник заговорил теперь по-русски.

– Нет, – растерялась Алина. – Но видите ли, это картины, как бы вам сказать… Самодеятельные. Они не представляют ценности. Только для нас.

[2] Уйгуры – народность в Средней Азии

– Э-э, все так говорят. Фанера старый, плохой, некрасивый, а потом получится, что это Пикас-с-с, – таможенник победоносно глянул на Алину. – Думаешь, только вы умные, а я тут… ахмак, да?

– Я так не думаю. Только уверяю, что работ Пикассо нет вообще в Таджикистане.

Саид-ака согнул фанерку, она вдруг хрумкнула, и Алине показалось, что также хрумкнуло у нее внутри, около сердца, старая картина была семейной реликвией.

– Саид-ака, брат, так нельзя, так нечестно, Бахтиер обещал, – заволновался Салим.

– Послушай, а ты что для русских так стараешься? Продался, да? А может, ты ее… того? – манипулируя пальцами, сделал неприличный жест. – Что, молоденьких русских мало?

Салим побагровел и пошел на таможенника.

– Салим! – испугалась Алина.

И в это время на другом конце двора раздалась автоматная очередь. Салим остановился.

Саид, подмигнув Мумину, осклабился.

– Послушайте, – Алина держалась изо всех сил. – Давайте по-хорошему. У меня есть деньги. Сколько надо?

– По-хорошему почему нет? – продолжал ухмыляться таможенник. – Взяв деньги, сказал Мумину по-русски:

– Давай, опечатывай, будем отправлять, – и добавил по-таджикски: – Скажешь ребятам – грузить будут, пусть тряхнут хорошенько. Ей в России дрова нужны будут, печку топить.

В машине Алина заплакала. Салим пытался ее успокоить, оправдывался:

– Муаллима, хлебом клянусь, я не знал, что так будет. Это не люди… И Бахтиер, родственник мой… Это кучук,[3] хар,[4] честное слово…

Алина плакала и повторяла:

– Салим, веришь, сколько помню себя… Сколько помню себя, Салим…

Она хотела сказать, наверное, очень много, – о том, что родилась в Душанбе, прожила там почти полвека, что с Таджикистаном связана вся ее жизнь. Но фраза не выговаривалась, не вмещала нахлынувшие чувства, и Алина опять повторяла:

– Сколько помню себя…

* * *

ДОРОГИЕ МОИ СТАРИКИ

Моя бабушка Оля вместе со своей сестрой Тоней, которая пришла к нам в гости, пьют чай из блюдцев и ведут неторопливый разговор. Мне страсть как хочется послушать, о чем они говорят, и я стараюсь придумать дело, чтобы остаться здесь, на веранде. Беру деревянную колотушку, бидончик, наполненный сметаной, и начинаю сосредоточенно сбивать масло. Теперь уж бабушка не должна прогнать меня на улицу, по опыту зная, что потом не заставит заниматься этим нудным делом. Пристраиваюсь на кровати, за печкой и во все глаза гляжу на бабушку Тоню.

Бабушка Тоня совсем необычная бабушка.

[3] Кучук – собака

[4] Хар – ишак

Когда они вместе с моей бабушкой остались сиротами, то присматривала за ними их бабушка, деревенская колдунья. А когда эта совсем старенькая бабушка-колдунья собралась умирать, то долго мучилась и помереть никак не могла, потому что ей надо было освободиться от своего колдовского дара, передать его кому-то. Но передать она могла его только с каким-нибудь предметом. А поскольку никто не хотел становиться колдуньей, то никто к ней и не подходил, хотя она стонала, мучилась и всем протягивала то кружку, то щепотку сена, вытащенного из матраца, то веник, почему-то лежавший рядом с умирающей. Оле было уже двенадцать лет, она все понимала и потому не подходила близко к своей бабушке. А Тоне всего четыре, и только взрослые упустили ее из виду, как она кинулась к бабушке и взяла из ее рук этот проклятый веник. Тогда, якобы, бабушка-колдунья сказала: «Отпусти, господи», и перекрестила бабушку Тоню, с тем и померла.

Девочек-сироток привели к приходскому священнику, который вроде бы приходился родственником колдунье, но не признавался в этом. Сирот, однако, взял в дом, но все приглядывался к бабушке Тоне, не проявится ли в ней колдовской дар. Дар не проявлялся, девочки росли послушными и трудолюбивыми. И все забыли про завещание колдуньи, а вспомнили много лет спустя, когда свершилась уже Октябрьская революция и бабушка Оля вышла замуж, а бабушка Тоня ходила в невестах, и на все окрестные села славилась своей красотой. И полюбил ее красавец-парень, который работал в милиции. И будто бы ему в этой милиции сказали: или женишься на поповской родственнице, или останешься работать в милиции. И он выбрал милицию и женился на комсомолке Даше. И тогда Тоня сказала ему, что будет он всю жизнь ее помнить… Только то и сказала. Но после этих слов стал он сохнуть и из красавца превратился в Кащея Бессмертного, и никакой доктор не мог найти причину такой сухотки. Бросил работу в органах или его оттуда выгнали, потому что какой же работник из такого высохшего человека, и все время сидел на крыльце у бабушки Тони, а надо сказать, что она после того, как любимый предпочел ей милицию, ушла из дома дяди-священника в одинокую, забитую до тех пор избушку бабушки-колдуньи. Говорят, что комсомолка Даша приходила к бабушке Тоне и просила простить мужа и отпустить от себя. И вроде бы бабушке Тоне стало жалко комсомолку Дашу, она даже заплакала и ответила, что ничего теперь сделать не может.

Тут, я помню, выражала сомнение в том, что комсомолка Даша приходила просить бабушку Тоню. Потому что в ту пору уже была комсомолкой моя старшая сестра Вера, и я знала, что комсомольцам не положено верить в такое. Тогда моя бабушка Оля, не раз рассказывавшая мне эту историю, обижалась и говорила, что если я не верю, то зачем тогда пристаю, и продолжала лишь после того, как я изрядно надоедала ей своим канючаньем.

И вот однажды поутру, выйдя из дома, бабушка Тоня увидела некогда красавца-парня под своим крыльцом мертвым. Она взяла его на руки, ведь он был легонький, как малое дитя, потому что совершенно высох, и отнесла его к комсомолке Даше. Вдвоем они его и похоронили. И бабушка Тоня так и не вышла никогда замуж. А глаз у нее становился все дурнее и дурнее, и поселковые прятали от него и малых детей, и скотину, чтобы ненароком не сглазила.

Но кто бы подумал, что бабушка Тоня уйдет на гражданскую войну и будет санитаркой в отряде красноармейцев. И хоть называлась она просто санитаркой, на самом деле врачевала раны разными травами и даже заговаривала. А красный командир был от бабушки Тони без ума и никогда с ней не расставался. И она отводила от него вражеские штыки и пули. И только один раз, отправляясь в особенно тяжелый бой, уговорил ее остаться, ссылаясь на то, что в отряде много раненых и их нельзя оставлять без присмотра, а на самом деле боялся за бабушку Тоню, потому что любил ее больше жизни. Однако бабушка Тоня разгадала такой маневр и наотрез отказалась остаться. На командир очень рассердился и сказал, что приказывает ей это как красный командир красному бойцу. И что если она не послушает приказа,

значит, изменит делу революции. После этого бабушке Тоне ничего не оставалось делать. Но в этом бою красный командир сложил свою голову. Бойцы принесли его на шинели уже остывшего. И бабушка ничего не могла сделать. А если бы он был еще не остывший, если в нем хоть немножко теплилась бы жизнь, она, конечно, оживила бы его своими колдовскими чарами.

Мне было очень жаль, что к тому времени, когда бабушка Тоня воевала с красным командиром, уже не было в живых высохшего жениха из милиции. Потому что, мне кажется, тогда бы он просто так высох, от жалости и позднего раскаяния. И еще я думаю, что бабушка Тоня тоже полюбила этого красного командира, и, наверное, нарушила бы обет безбрачия, который, по-видимому, дала после того, как высох ее жених. Но окончательно убедившись после гибели командира, что в любви ей не везет, перестала раз и навсегда о ней даже думать.

Вот такая смелая, не похожая на других бабушек, была бабушка Тоня. И больше всего она была непохожа на свою сестру, мою родную бабушку Олю, которая по характеру была очень мягкая, хотя, конечно, и в ее жизни были поступки решительные и смелые. Взять хотя бы ее замужество…

Ей было пятнадцать лет, когда к священнику в дом пришел хромой, почти тридцатилетний да еще рыжий мастер по швейным машинкам. Увидев хорошенькую сиротку, он через несколько дней прислал сватов. Семья Ивана пользовалась на редкость дурной славой. Его вдовый отец не обвенчался, как положено, с новой молодой женой, а жил с ней как с сожительницей. Причем, эта сожительница не только сама курила, но научила курить двух сестер Ивана, девок-перестарок, которых, может быть, поэтому никто и не засватал, что отец жил невенчанным, да и были они в селе люди сравнительно новые, невесть откуда взявшиеся, и ко всему этому не ходили в церковь.

И тогда-то, пожалев мою бабушку Олю, кто-то написал священнику записку такого содержания: «Если вам сироту не жалко, то лучше наденьте ей камень на шею да утопите в реке». А река в их селе Рудня Балашовской области действительно была, называлась она Хопер. Но священник, естественно, топить бабушку Олю не стал, а согласился выдать ее замуж. Но что самое удивительное, бабушка Оля не была против. Неизвестно, почему, но и ей приглянулся хоть хромой, хоть рыжий и старый, но все-таки симпатичный мастер по швейным машинкам. В общем, бабушка Оля стала на 16-м году женой моего дедушки Ивана, и, как она говорила, никогда не покаялась в этом. В доме мужа ее жалели и лелеяли, а отец моего деда иначе как кудряшечкой, – потому что бабушка Оля была неистово кудрява, – не называл. Дед был мастеровой, знал немало ремесел, даже печи сам клал, а бабушка Оля родила ему шесть детей, пять девочек и одного сына Николеньку.

Дед Иван детей любил без ума, о чем я сама знала, судя по тому, как он любил нас, внуков. Но характер у него был одновременно и очень добрый, и вспыльчивый. А ругался он так, как больше не умел никто. Рассердившись, кричал: «Родимец тебя расшиби». Я очень долго думала, что родимец – это что-то вроде сердитого бога, который должен ударить и расшибить человека. И только став взрослой, узнала, что родимец – это болезнь, которую дед мой призывал на голову разгневавших его людей.

Бабушка Оля рассказывает, что однажды я, лежа в люльке, ни с того ни с сего раскричалась, а она хотела во что бы то ни стало доварить борщ и уговаривала меня ласковыми словами, просила потерпеть. Но я, однако, ни на какие уговоры не шла, и орала что есть мочи. Дед под этот мой крик незаметно вошел в дом. Постояв минутку-другую, грозно осведомился у бабушки Оли, не оглохла ли она, на что та виновато ответила, что хочет доварить обед.

– Ах ты, родимец тебя расшиби! – заругался дед. – Ребенок, значит, разрывается, а ей борщ приспичил!

И, подскочив на хромой ноге, взял кастрюлю и опрокинул ее наземь. И вся семья осталась без ужина, что по тем временам было очень даже плохо. Но дедушка, тут же успокоившись, сказал:

– Ничего, чайку попьем.

Вспышки такого, часто неоправданного гнева мне не раз приходилось видеть, но я нисколько не боялась. Я только ждала, когда дед что-нибудь бросит на пол или крепко стукнет кулаком по столу. Тогда, объясняла бабушка Оля, он отходит сердцем. Она даже старалась подсунуть ему деревянную миску либо железную кружку, чтоб те не разбились. И подбирала их со словами: «вот и хорошо, и слава Богу…»

И еще был, пожалуй, один решительный поступок со стороны бабушки Оли, в котором, однако, есть кое-какие сомнительные моменты.

Дед мой, который из-за хромой ноги в гражданскую не мог воевать, ушел в дальние края на заработки – плотничать, чинить швейные машинки да класть печи. В это время шли в Рудне ожесточенные бои, и бабушка Оля спасла раненого красногвардейца.

– Захожу в сарай за сеном, корову накормить, – рассказывает бабушка, – слышу, а в сене кто-то дышит. Я перекрестилась: батюшки-светы… Пригнулась: человек весь кровью залитый…

В общем, выходила бабушка красногвардейца. И мне эта история из бабушкиной биографии очень нравилась. Но однажды черт меня дернул спросить:

– Бабушка Оля, а откуда ты знаешь, что это был красноармеец?

Бабушка Оля посмотрела на меня, помолчала и сказала:

– Так мне думалось.

– А может, это беляк был?

– Все может быть, – согласилась спокойно бабушка Оля. – Я тогда про это не думала…

– Да как же так, – заплакала я, – это же был наш враг.

Бабушка Оля махнула рукой:

– Какой там враг… Ему всего-то лет семнадцать было…

Мне хотелось помочь вспомнить бабушке Оле, что это был именно красноармеец.

– Бабушка, – умоляла я. – Ну, подумай, кто тогда отступал?

– Кажется, красные, – неуверенно говорила бабушка. – Или нет, белые… Забыла я…

– Ну, а кто деревню занял, помнишь?

– Вроде зеленые…

Вот такой невыясненный факт остался в биографии моей бабушки Оли.

Но, пожалуй, самым решительным и по-настоящему мужественным поступком со стороны бабушки был отъезд из родной Рудни в Душанбе, вслед за моими родителями, геологами, которые по комсомольской путевке поехали в молодую республику, так нуждавшуюся в молодых специалистах.

К тому времени родилась моя старшая сестра Вера, а меня и моего брата Витюни еще на свете не было, когда дедушка единственный раз, по его признанию, предоставил бабушке Оле самой решать такой жизненно важный вопрос, и она сказала: поедем.

Уже весь скарб собрали, и во дворе стояла загруженная телега, чтоб везти нас к поезду, – вспоминает бабушка Оля, я вошла в свою хату, поклонилась в тот угол, где висела икона и говорю: «Ну пошли, пора, батюшка».

– Это ты кому, божьей матери?

– Домовому, – шепчет бабушка Оля. – Домового если не позвать, он может обидеться и сам не пойти…

– А зачем он нужен?

– Эко, скажешь… – бабушка Оля смотрит с укоризной. – Как-же без него…

С домовым у нее свои сложные отношения. Он вроде бы и очень хорошо относится к бабушке Оле – не щекочет ее и не душит, и о несчастьях предупреждает, но помочь, видно, не может.

Так, перед войной, когда нас с братом еще не было на свете, он всю ночь кряхтел и стонал, и вздыхал. Наконец, бабушка, понимая, что он хочет и никак не решится сказать ей о какой-то надвигающейся беде, решила помочь ему:

– К добру, батюшка, или к худу? – спросила она, и домовой ответил:

– Ох, к худу…

А утром объявили войну.

И еще раз предупредил он ее о несчастье: перед гибелью моей мамы. Тогда нас у нее стало уже трое. Я появилась на свет огненно-рыжей, похожей на своего дедушку Ивана. Это потом мои волосы посветлели, стали золотистыми. А тогда решили, что самое подходящее имя для меня – Аля, только долго ломали голову – каким должно быть полное – Альбина? Алевтина? Алла? Остановились на Алине… Младшего брата назвали Витей в память о священнике, воспитавшем бабушку. А через несколько лет погибла в самолетной катастрофе мама. И тоже накануне вздыхал, всхлипывал домовой.

Конечно, вроде бы какой смысл в предупреждении домового, если избежать несчастья невозможно? Но, оказывается, есть у него и другие заботы. Вот, например, в послевоенные годы, когда в Средней Азии, а может, и во всей стране, было полно шпаны и о кражах слышалось то и дело, в наш дом ни разу не залезли воры, в чем, как считала бабушка, заслуга полностью домового. Правда, я не знаю, что бы воры смогли найти тогда в нашем доме, но это уже другой вопрос.

Наш домовой, кроме прочего, был еще и большой шутник. Иногда поутру никак не найдешь брошенную с вечера майку или тапочки. И уже пускаешься в рев, как бабушка скажет: Ну-ка, успокойся, да попроси: «батюшка-домовой, поиграй да отдай». Я тут же успокаивалась и начинала подсматривать: куда же он бросил мою маечку? И находила ее либо под кроватью, либо еще где…

… Бабушки Оля и Тоня пьют морковный чай с сахарином и говорят о неинтересном. Я перестаю слушать, задумываюсь и мечтаю о том, чтобы оказаться поблизости, когда будет умирать бабушка Тоня, хотя я ее люблю и не хочу, чтоб она умирала. Зато уж обязательно возьму у нее из рук веник или какой другой предмет. И если изменит мне парень-красавец, непременно высушу его. Однажды я даже поделилась своей мечтой с бабушкой Олей, чем очень напугала ее.

– Упаси тебя Бог! Колдуньи-то они все несчастные. У них так на роду написано…

Я уже задремала со своей колотушкой за печкой, когда в дом ворвалась соседка Сидоровна. Оказывается, ей кто-то сказал, что к нам пришла бабушка Тоня, и она прибежала, чтобы излить ей свою обиду.

Дело в том, что на днях у Сидоровны сдохла коза, которая им молока давала почти как корова, и шерсть с нее настригали на носки ребятам, и вообще была хорошая и здоровая коза, а сдохла, как считает Сидоровна, от дурного глаза моей бабушки Тони.

– Ой, да как же это я не укараулила, – причитает Сидоровна, и проклинает бабушку Тоню, грозит, что отольются ей слезы малых детей…

Мне жалко и козу, и Сидоровну, и бабушку Тоню, которая ни слова не произносит в ответ на обвинение нашей соседки, молча встает, крепче подвязывает платок под подбородком и выходит из дому.

Я бегу за ней и прошу:

– Бабушка Тоня! Скажи, что ты нечаянно глянула на козу. Ты ведь правда не хотела, чтоб у Сидоровны детишки без молока остались?

– Дите глупое, – бабушка Тоня гладит меня по голове. – Да неужто и ты думаешь, что коза с дурного глазу подохла?

– А с чего же? – удивляюсь я.

– Кто его знает, с чего… Может, съела чего нехорошее или клещ внутренний напал…

– Почему же ты не сказала это Сидоровне?

– Не поверит, – удрученно говорит бабушка Тоня. Я замечаю у нее в глазах слезы, но все же спрашиваю:

– Бабушка Тоня! Но ведь все знают, что ты колдунья. Ребятишек-то как лечишь?

– Травами лечу, тут колдовать не надо. А вывихи вправлять да кости сломанные на место ставить еще в гражданскую научилась.

Тогда я решаюсь на крайнее:

– Бабушка Тоня! А как же это ты без колдовства жениха высушила? Или это все тоже неправда?

– Не я, а совесть его высушила, – говорил бабушка Тоня.

Вся в смятении, я провожаю ее до самого домика, до ветхой избушки, которая, как и некогда в Рудне, стоит у самого края нашего поселка – дальше идут уже хлопковые поля. Бабушка Тоня, хоть и поехала в Среднюю Азию следом за сестрой, но верная себе, жила одиноко. И что удивительно – ее очень любили таджики, водили к ней своих больных ребятишек, а вот русские сторонились, хотя вовсе и не чурались ее помощи. Та же Сидоровна приходила однажды со слезящимся, красным глазом – никак не могла достать соринку. А бабушка Тоня из глаза что хочешь достанет языком. Я удивляюсь – не противно ли ей языком в глаза чужого человека лазить, однажды, когда она достала таким образом соринку у рыбака-выпивохи, спросила ее об этом.

– Чище глаза ничего нет, – сказала бабушка Тоня. – Он слезой омывается…

… Раннее утро. Я просыпаюсь от негромкой перебранки, с которой начинается каждый день в нашем доме.

Дело в том, что бабушка Оля каждый день встает в пять утра, а дедушка любит поспать подольше. Теперь-то я понимаю, бабушка Оля была жаворонком, а дедушка – совой, потому-то и ложился дедушка поздно и все ворочался, не засыпал. А бабушка Оля, чуть смеркалось, начинала подремывать. Но они-то не знали про такое психологическое разделение людей, а потому бабушка Оля, которая к семи часам уже побывала на базаре, разожгла печь, подоила корову и начистила картошки на завтрак, начинала ворчать:

– Господи! И как это можно столько спать, куда только сон лезет…

Дед, в белой исподней рубахе и кальсонах садился на кровати, и сетка под ним сурово трещала.

– Ну, посплю я, так что тебе от этого? Жалко, что ли?

– Да спи, пожалуйста, – пожимала плечами бабушка. – Ты мне что, нужен? Спи! Я только удивляюсь – как это можно столько спать?

Мне смешно, потому что ссора это ненастоящая, незлая.

Дед опять ложится и начинает похрапывать. Но бабушка не успокаивается.

– А потом жалуется – голова болит, – говорит она, ни к кому не обращаясь. – Как же не будет болеть – столько спать?

Я знаю, что сейчас будет, и жду.

– Черт бы тебя побрал, – кричит дед и, вскакивая, натягивает на себя рубаху и штаны. – Ну, встал, встал! Потешила душеньку? Ишь ведь как тебе пригорело!

Дед садился на табурет, – а сидел он, между прочим, совершенно замечательно: одну ногу под себя, другую сгибал в колене и пристраивал тут же на табурете, и начинал мрачно крутить козью ножку.

Бабушка Оля принимается будить нас, детей. Вера вставала сразу, она была очень послушная. Мы же с Витюней старались урвать минуту-другую и понежиться в постели. Будила нас бабушка ласково, не раздражаясь, но особенно нежной была к брату.

А вот уж и солнышко встало, смотрит: что это Витюня заспался… Ишь, в окошко заглядывает…

Вообще брата бабушка Оля и дедушка любили больше всех. Может быть, потому, что он был один мальчик. Из своих детей они тоже больше всех любили Коленьку. Но мне теперь кажется, что бабушка Оля чувствовала, каким коротким будет его век и старалась одаривать его любовью в концентрированном виде, зная, что на его долю выпадет ее не так уж много. Брат умер рано.

Вера была чернявая, похожая на маму и очень худенькая, но никогда не болела. Я же, наоборот, розовощекая и толстая, но болела постоянно и поэтому сердилась на сестру, будто она присвоила обличье, приличествующее мне. А у Витюни были необыкновенные глаза, будто он чему-то одновременно и удивлялся, и радовался. И это детское выражение глаз сохранилось у него на всю жизнь.

Я еще не хожу в школу. Мне, правда, восьмой год, но тогда брали в школу с восьми. Торопиться некуда, но я тоже встаю. Прислушиваюсь к шуму базара – он расположен прямо у нас под окнами. Одеваюсь и выскакиваю, словно ныряю сразу в это цветастое многоголосье. Наверное, с той самой поры я люблю по сей день наши душанбинские базары. Меня знают почти все продавцы, потому что многие, не распродав товар, оставляют его на ночь в нашем дворе. Бегу, поеживаясь от утреннего холода. Подпрыгиваю и напеваю: ой, какие красивые помидоры, какие красивые дыни, ой, какая зеленая травка…

Но я не останавливаюсь ни у помидор, ни у дынь. Бегу в самый конец базара, мимо фруктов и овощей, зеленого клевера, снопами продававшегося на корм скоту, мимо огурцов и арбузов. Бегу туда, где продается мешалда. Не знаю, есть ли другое, более правильное или русское название у этой вкуснятины – не знаю, потому что сейчас она совершенно исчезла с наших базаров. А что это такое – попытаюсь объяснить. Это взбитый с сахаром мыльный корень. Но тогда, слава богу, я этого не знала. Знала только, что это вкусно-превкусно. Позже я пыталась сравнить мешалду со взбитыми сливками или взбитыми белками яиц – но мешалда еще воздушней, еще белее, еще вкуснее.

– А, келимка![5] – кричит рыжий-рыжий, единственный рыжий на всем базаре таджик.

Я вынимаю рубль, который выпросила с вечера у дедушки, подставляю захваченную из дома пиалку, и он щедро, с походом кладет мне эту воздушную массу, это белое облако, это объедение.

Назад бегу вприпрыжку. Но время от времени останавливаюсь и облизываю верхнюю часть белой горки, возвышающейся над пиалой.

И вдруг слышу: «Гуля, Гуля!». Это меня. Это бабушкин приятель, который всегда оставляет у нас свои мешки, зимой приходит погреться, а в другое время просто так, выпить пиалу чая. Меня он очень любит, но вместо Али зовет на таджикский манер Гулей. А бабушку мою зовет Мамашкой, хотя сам тоже старый, еще старше нее. И мы, едва он постучит в окно, кричим: «Мамашка пришел». Так и привыкли. Я кричу: «Салом, Мамашка!».

– Ой, Гуля, – радуется он и дает мне две большие зеленые редьки, потому что торгует Мамашка редькой.

– Приходи чай пить, Мамашка, – зову я.

– Хоп-хоп,[6] – кивает он.

---

[5] Янга – сноха. Янгашкой в шутку называли маленьких девочек

[6] Хоп-хоп – ладно, ладно

Прихожу домой, угощаю мешалдой бабушку Олю и дедушку, они отказываются и я доедаю ее всю и облизываю пиалку.

Теперь во двор. Я еще не видела сегодня корову, нашу красавицу, нашу кормилицу, как говорит бабушка Оля. Она серая, комолая, что, оказывается, значит безрогая. У меня для нее гостинец – кусочек хлеба, посыпанный солью. Она осторожно берет губами хлеб, а потом еще долго лижет мне руки шершавым языком. Тут же, за загородкой, куры. Заглядываю в гнездо – сидит пеструшка. Жду, когда она встанет, раскудахчется и я принесу в дом яичко. Но она никак не встает, и я волнуюсь, не собралась ли в наседки. А наседка у нас уже есть, уже скоро должны быть цыплята. Подхожу к гнезду – хвать, и курица у меня в руках. Щупаю толстую пушистую попку и чувствую под рукой твердую округлость. Значит, яичко есть.

А с цепи рвется, весь исходя любовью и ревностью, пес по имени Светлый.

– Погоди, сейчас, сейчас, – кричу я и залезаю к нему в будку. Светлый одновременно визжит от восторга и поскуливает, жалуясь на то, что его посадили на цепь. Но иначе нельзя – он прыгает через забор и устраивает на базаре переполох. Поэтому до обеда, пока не разойдется базар, и сидит на цепи.

Светлого я нашла на улице маленьким щенком, и кто бы мог предположить, что он окажется чистопородной овчаркой – колли. Мы бы и сами об этом никогда не узнали, если бы однажды не пришел пограничник и не сказал деду, что хочет купить его для границы.

– Кого? – удивился дед. – Нашего кобеля?

– Да, – подтвердил пограничник. – Вашего кобеля.

– А где ж ты его видел? – опять удивился дед, хотя в этом не было ничего удивительного, потому что во внебазарное время пес носился с ночи до утра по улицам.

– Нет, не продам, – сказал дед, не дождавшись ответа, уточнявшего, где именно видел пограничник Светлого.

– Пятьсот рублей, – заметил пограничник, что было неслыханно дорого.

Тут дедушка уже удивился по-настоящему.

– За этого дурака-то?

– Выучим, это уж не ваша забота, – ответил пограничник.

– Шалавый пес, – сокрушенно сказал дед. – Беспутный. Он и двор-то не сторожит, чего ему на границе делать…

– Вот и продайте, раз шалавый, – пограничнику, видно, стал надоедать этот разговор.

– Нет, не продам, – твердо сказал дедушка.

– Вот чудной старик, – удивился теперь пограничник. – На что он вам, если шалавый и двор не сторожит?

– А так, привыкли, – и дед закрыл перед носом пограничника калитку.

Но тот уже за калиткой стал кричать, что если дед такой несознательный и не хочет продать собаку, то придется ее просто конфисковать, что в ближайшее время он и сделает.

– Ничего, это мы еще посмотрим, – уже не очень уверенно произнес дед. – Я завтра найду вашего главного военного, узнаю, можете ли вы частную собственность в образе собак конфисковывать.

И рано утром, надев парадную форму – белые парусиновые штаны и пиджак, дед отправился искать главного военного. Пришел он успокоенный, в прекрасном расположении духа и сказал, что главного военного нашел. Как я сейчас предполагаю – ходил он в военкомат и говорил с военкомом. Тот ему сказал, что отнимать собаку права не имеют. Тогда дед попросил выдать ему соответствующий документ, чтобы он мог показать его пограничнику. Но главный военный вроде бы рассмеялся и сказал, что документ такой выдать не может, но пусть дед запомнит его фамилию – Сафаров и сошлется на него, если придет пограничник. Но пограничник больше не пришел.

Со Светлым я обнимаюсь так же, как и с коровой. Хоть он не кормилица и вообще от него никакого проку, но люблю его даже больше коровы и мне от этого немного совестно.

Вдруг Светлый вырвался из будки и начал весело прыгать. Оказывается, это пришел Мамашка оставить мешки и попить чаю. И Светлому совершенно ясно, что базар кончается. Я тоже бегу пить чай, потом что очень люблю Мамашку. Зимой, когда выдаются холодные дни, он приходит, еще не расторговавшись, чтоб отогреть озябшие руки, чем сбивает с толку нашего Светлого.

Руки Мамашка держит прямо над раскаленной чугунной плитой, покряхтывая от удовольствия, пока они не отойдут от мороза и не станут красными.

Но сейчас тепло, и они с бабушкой пьют чай и ведут очень странную беседу. Бабушка говорит по-русски, а Мамашка по-таджикски, но такое впечатление, что они понимают друг друга. Может быть, потому, что Мамашка, как и мои бабушка с дедушкой, воспитывает внуков – детей погибших на войне сыновей. Бабушка говорит про то, что жизнь налаживается, что уже отменили карточки, что внуки, слава Богу, подрастают. И старик, по-моему, говорит то же самое, только по-таджикски.

Чай у нас не морковный, а настоящий, зеленый, и Мамашка крутит головой: «Ой, карашо, нагз…[7]»

Потом базарчик наш перевели в другое, более подходящее место, мы потеряли из виду Мамашку, и даже думали, что он умер. Но однажды я, уже взрослой женщиной, вместе с мужем шла по большому базару по улице Путовского и вдруг услышала: «Гуля, Гуля», и увидела совсем дряхлого, старенького Мамашку, которому было уже, наверное, лет девяносто. Как в детстве, он протянул мне зеленую редьку…

И я сразу вспомнила наш базарчик. Вспомнила, как ела мешалду, как мы с мальчишками отвязывали ишака и катались на нем, пока увлеченный торговлей крестьянин не спохватывался и не обнаруживал пропажу. И как однажды я забралась на спину лежащего верблюда, а когда он неожиданно поднялся, испугалась высоты и заорала: «Мама…»

И еще вспомнила, как Мамашка приходил свататься за нашу бабушку Тоню. Бабушка Тоня, в отличие от бабушки Оли, очень быстро выучила таджикский язык и когда Мамашка заставал ее у нас дома, беседа принимала оживленный характер. Бабушка Тоня выступала в роли переводчика. Мамашка все горевал о своей жене-покойнице, сетуя на то, что вдвоем – он кивал при этом на моих бабушку и дедушку – внуков растить сподручнее, и однажды предложил бабушке Тоне перейти жить в его кибитку. Та, смущаясь, все же перевела его предложение. Бабушку Олю, которая относилась к Мамашке с явным расположением, озадачила его другая, мусульманская вера.

– Тут поживут, а на том свете все равно по разным углам, – сокрушенно говорила она.

Дедушка, не веривший ни в черта, ни в Бога, посоветовал бабушке Тоне выходить за Мамашку замуж, и так век прожила бобылихой. Но бабушка Тоня сказала, что жениться на старости лет – людей смешить и замуж не пошла. Однако с Мамашкой подружилась, частенько наведывала его, пока внучата были маленькие, и помогала по дому.

Бабушка Тоня пережила намного и моих стариков, и моего умершего молодым брата. Я была в отъезде, когда она покинула этот мир, а вернувшись, первым делом пошла не на могилу к ней, а вместе с сестрой Верой в тот поселок, где мы выросли, где торговал редькой на маленьком утреннем базаре Мамашка и где, на самом краю, у оврага, за которым начинались поля, жила бабушка Тоня.

По дороге сестра рассказала, что умерла бабушка Тоня быстро, немучительно. Прибралась в доме и вышла на солнышко посидеть, погреть свои старые кости. Да не дошла до

[7] Нагз – хорошо

скамейки – упала. И будто бы никого не звала и ничего не просила взять из рук, а только сказала:

– Хорошо-то как, господи! Солнышко…

ГЛАВА II

Пока Алина Николаевна отправляла контейнер, соседи «обустроили», как могли, их быт. Два раскладывающихся кресла, столик, кухонная утварь – чайник, кастрюлька, несколько пиал вполне достаточно, чтобы прожить одну-две недели, пока оформят продажу квартиры и достанут билет на самолет. На душе сразу полегчало. А самое главное – старый, чернобелый, но вполне сносно показывающий телевизор. Его принес Махсум. Он не был литератором, он был сыном самого знаменитого таджикского поэта, еще при жизни зачисленного в классики. Когда отец умер, они с сестрой отдали роскошный особняк под музей Поэта, а взамен им выделили две квартиры на одной лестничной площадке в писательском доме.

– Ну, как, – спросил Константин Леонидович, – Обошлось без проблем?

Алина отвела глаза:

– Все нормально, отправили.

– Что-то непохоже, что нормально, – вздохнул он, вглядываясь в лицо жены, и, поскольку Алина не отреагировала на его слова, добавил: – Вообще-то обойти таможню, это сама понимаешь, нарушить закон. Представляешь, что можно отправить в контейнере? И оружие, и наркотики…

Наверное, хотел таким образом утешить: что ж, мол, если все-таки досматривали, значит, так надо.

– Костя, милый! Да какие тут законы сейчас, о чем ты? Вывозят, кому надо, и оружие, и наркотики, не сомневайся, только платят побольше, чем мы заплатили, – голос предательски задрожал. Алина готова была опять сорваться на плач.

– Аля, тебя там обидели?

Алина улыбнулась сквозь слезы и лишь покачала головой. Обидели, были не слишком учтивы, не поняли – все это из плоскости других взаимоотношений.

Вообще с той самой поры, когда появились первые лозунги «Русские, убирайтесь вон» или, того хуже – «Русские, оставайтесь, нам нужны рабы», существование казалось Алине зыбким не только оттого, что могли убить в любую минуту, это была духовная зыбкость, ощущение ирреальности происходящего. Словно страшный сон, который невозможно стряхнуть, и хочется крикнуть, что есть сил, но онемевшие губы не размыкаются, крик комком застревает в горле. Особенно остро такое состояние охватывало перед телевизором.

Ни одна из телевизионных программ не обходилась без слов в поддержку «молодой Таджикской демократии, борцов за независимость республики и роста национального самосознания», в то время как поднимали голову исламские фундаменталисты, ваххобиты. И даже после черного февраля 90-го года с экранов ЦТ неслось возмущенное: «молодую демократию пытаются затоптать сапогами русских солдат… В столицу Таджикистана введены войска… Преступное правительство отдало приказ стрелять в свой народ…»

Вы что, ребята, с ума там посходили? Ничего не знаете или не хотите знать? По вашему, это демократы жгли и крушили прекрасный город? Борцы за независимость затаскивали в пустые автобусы русских женщин, а также таджичек, одетых по-европейски, зверски насиловали, а потом выбрасывали их, полуодетых и полуживых? Это возросшее национальное самосознание позволяло им врываться в квартиры русских и расстреливать целые семьи?

Алина металась по квартире, не в силах успокоиться.

– Костя, ну ты подумай, что они говорят! Ведь если бы не ввели войска, нас, как и многих, уже бы не было в живых. Это же, как дважды два. Войска ввели поздно, это да… Вот о чем надо бы говорить. И вообще, можно же рассуждать логически: если озверевшая толпа (свой народ), кинулась убивать мирных жителей (тоже свой народ), что все-таки лучше: поз-

волить убивать или остановить ее силой? Нельзя же все выворачивать наизнанку. Нет, что-то они там не понимают. Надо что-то делать, писать…

– Алина, ты уже сама не в состоянии мыслить логически. Все все знают. Ну, посуди – это же не вчера все началось. Работали фискальные службы. Здесь живут собкоры многих центральных газет, приезжают спецкоры… Да сколько душанбинцев разлетелось по всему свету? Честное слово, ты как ребенок, такую ерунду говоришь.

Но Алина не отступалась, писала, передавала свои статьи с отъезжающими в Москву. Не печатали, не отвечали. Не докричаться, не стряхнуть тяжелого сна…

И все-таки, пытаясь осмыслить отношение Москвы к тому, что творилось в Таджикистане, однажды, как ей показалось, она дошла до сути. Скорее всего, исламские фундаменталисты должны были свергнуть коммунистический режим республики, а «за ценой мы, как всегда, не постоим!»

Вспомнила, как демонтировали памятник Ленину. Монумент вождя с указующим перстом в центре города давно уже ничего, кроме раздражения, у них с Костей не вызывал, но, Господи, как они его «демонтировали»! Свалив огромный памятник, железными прутьями отбивали на руках пальцы, выдалбливали глаза, забравшись на него, устроили дикие танцы, наконец, мочились… Недели две, пока бандиты удерживали город, таджикское телевидение без конца транслировало эту хронику. Смотреть было страшно и жутко.

– Ну, ладно. – Рассуждала Алина. – Предположим, с коммунистами они справятся. Но кто потом справится с ними? Неужели Афганистан никого ничему не научил?

Ответа на этот вопрос не было.

На ночь разложили кресла, поставив их рядом, так, чтобы можно было дотянуться друг до друга, взяться за руки. Ночи были тревожными, со стороны реки Душанбинки время от времени доносились одиночные выстрелы, – к ним, насколько возможно, успели привыкнуть. Хуже было другое – вой голодных зверей из зоопарка, когда-то считавшегося одним из лучших в Союзе. Располагался он совсем недалеко от их дома, – одна коротенькая троллейбусная остановка. Когда-то Алина водила по выходным дням туда детей, потом они бегали сами.

Теперь зоопарк вымирал. Оленей, лосей, других парнокопытных убивали на мясо. Дикие звери были никому не нужны. По ночам их вой выворачивал душу. Алина прятала голову под подушку, зажимала ладонями уши, но это не помогало. Вот раздался трубной плач слона, вот тоскливо растянутый рык льва, а это завывают волки…

Поднималось давление, но Алине казалось, что это леденящий душу вой пульсирует, бьется в голове и вот-вот разорвет ее изнутри.

Часам к трем звери, видимо, обессилев, затихали. Вот и сегодня наступила, наконец, благословенная тишина. Ничего, кроме ровного дыхания мужа. Алина потянулась к нему, прижалась щекой к щеке, и Костя, не просыпаясь, дотронулся теплыми губами до ее уха.

Все, успокоиться и уснуть. А пока не уснула, думать только о хорошем, о будущем. Конечно, хорошего было мало, а будущее проглядывалось смутно. И все же, и все же…

Едут они не в никуда, как многие, а к сыну Андрею, во Владимир, город, странно обозначившийся в их судьбе. Когда-то Алин брат Витюня, в ту пору студент московского ВУЗа, поехал на зимние каникулы в гости к сокурснику. И надо же, – встретил там свою судьбу, женился и, окончив институт, в Душанбе не вернулся. К сожалению, умер молодым, в 35 лет. Но зато там, в далеком Владимире, есть родная могила, живет его семья: жена и дочка.

И вот ведь какая круговерть получается. Много лет спустя, сын, Андрей, в ту пору молодой ученый биолог, улетел в Москву, как сказал родителям, по делам, связанным с защитой кандидатской диссертации. Из Москвы завернул во Владимир навестить жену Витюни и познакомиться с двоюродной сестрой Ларисой, которую никогда не видел и… тоже влюбился во владимирскую девушку. Не надолго приехав в Душанбе, отказался от защиты, уво-

лился с работы. Уверял, что давно думал заняться бизнесом, а во Владимире такая возможность есть, что в Москву ездил, на самом деле, чтобы поступить в экономическую академию – и поступил… «Сейчас другое время, быть нищим ученым я не хочу».

Для Алины и Кости понятие «бизнес», «коммерция» были чем-то чужеродным, даже пугающим. Но отговаривать сына не стали, да он бы и не послушал. Между тем дела у Андрея шли, видимо, неплохо: когда в Таджикистане началась гражданская война, стал передавать с оказией деньги и продуктовые посылки, настаивал на их немедленном переезде, обещал всяческую поддержку. Но они все тянули, все надеялись, что образуется…

Был и еще один знаковый момент. Недавно, – писал сын, главным военкомом области был назначен генерал-майор Николай Алексеевич Сеньшов, бывший командующий 201 дивизии, базирующейся в Таджикистане. Это он 11 февраля ввел войска в Душанбе, когда все они были на волоске от смерти. Много позже Алина узнает, что он целый день звонил в Москву Язову, докладывая обстановку, но тот тянул, мямлил и так и не дал приказа. Сеньшов всю ответственность взял на себя…

Значит, чем-то предопределен для них этот город, значит, судьба – уговаривала себя Алина, изначально намереваясь думать о хорошем.

Опять же – любимая младшая дочь, похожая на отца красавица Сашенька живет в Ленинграде. Как уехала учиться после школы, так и осталась там. Вышла замуж, но неудачно, разошлись, теперь мается в каком-то рабочем общежитии с маленькой дочкой. Одна была радость – каждый год приезжала в отпуск к родителям, но вот уже три года не виделись. А Владимир от Ленинграда недалеко. – Россия, одним словом. Может быть, вообще съедутся, станут жить вместе.

Старшая дочь Лена живет пока здесь, в Душанбе, работает в «Вечерке», газете, которая в последние годы из информационно-развлекательной превратилась в боевой листок. Летает с военными из 201 девизии на вертолетах в командировки не то что в горячие, а в горящие точки. Уезжать они договорились вместе. У Лены своя однокомнатная квартира тоже в центре города, осталась от мужа. Насчет продажи она тоже договорилась со знакомым кинооператором. Зять Фима уехал в Израиль три года назад, она наотрез отказалась: здесь я журналистка, там буду посудомойкой, если повезет. И вообще человеком второго сорта.

Алина тогда резко ее оборвала:

– Просто ты никогда не любила Фиму по-настоящему. Я за твоим отцом на край света пешком бы пошла.

Так или иначе – осталась с восьмилетним сыном Димкой. На время командировок подкидывает внука бабушке с дедушкой. Правда, вот уже два месяца, как у нее появилась жилица. Знакомый офицер-пограничник привел к ней молодую девушку, одетую в огромную солдатскую шинель поверх мужского белья. Рассказал:

– Вот такая неудача. Приехала из России к брату на заставу, в Московский район, а заставу всю вырезали, ее с собой захватили. Вчера отбили, живая, слава Богу. Ты, Лена, переодень ее во что-нибудь женское, пусть отлежится, а мы через недельку бортом в Москву отправим, там недалеко от дома, доберется на электричке.

Несколько суток Настя, так звали девушку, пролежала в постели и была словно в забытье. Потом стала потихоньку двигаться, разговаривать. Пограничник появился, как обещал, через неделю, сказал, что завтра отправят, пусть будет готова. Однако когда Алина позвонила дочери через три дня, оказалось, что Настя все еще никуда не улетела.

– Что, не приехали за ней? – поинтересовалась она.

– Приезжали, – ответила Лена, – но Настя не смогла улететь. У нее сильное кровотечение.

– В больницу ходили?

– Нет. Она не хочет…

Алина пошла к дочери разобраться, в чем дело.

Глянула на Настю, – та как тень, ни кровиночки в лице.

– Ты что, Лена, – возмутилась Алина, – соображаешь хоть что-нибудь? Ну, она не в себе, а ты как, нормальная? Мало у нас в моргах невостребованных трупов?

Родильный дом от Лены через дорогу, там же женская консультация, в городе, к счастью, затишье, выстрелы слышны только по ночам. Неужели трудно было сходить?

– Быстро в душ и одеваться! – скомандовала Алина, и Настя молча повиновалась.

В роддоме Алина нашла свою знакомую – пожилую армянку Ануш Хачатуровну, акушера-гинеколога, попросила посмотреть девушку. Полная, шумная Ануш обняла Алину:

– Конечно, посмотрю, сейчас посмотрю, дорогая… Я думала, вы уехали. У меня все друзья уехали. Евреи в Израиль, немцы в Германию, русские в Россию. Нам куда ехать? Здесь воюют, в Армении тоже воюют. Что за жизнь… Ну, пойдем, девочка, пойдем дорогая.

Вернулась минут через сорок, без Насти.

– Алина, она кто тебе? – Не дождавшись ответа, запричитала: – Что они с ней сделали, звери, звери… Сколько человек насиловали? Она сама не знает. Или не говорит… Веришь, я такие разрывы только после тяжелых родов видела. Швы накладывать надо. Как кровью не истекла, а? Как заражение не случилось? Ай-ай-ай… Бедная девочка, она ведь девственница была…

Через несколько дней Лена забрала Настю домой, но пограничники, видимо, о ней забыли.

Ты бы подсуетилась, Лена, напомнила бы им или попросила военных из 201-й, пусть отправят девушку.

Та обещала, но неохотно, отговариваясь делами, пока однажды не заявила:

– А куда ей ехать? Мать умерла, только брат и оставался, теперь и его нет. Пусть живет.

– Лена, что значит – пусть живет? Ну, нет близких, есть, может, дальние родственники. Какое-то жилье после матери осталось. А главное, там не стреляют. Мы ведь и сами уезжать собираемся.

– Ну, вот тогда и решим.

Приводить еще один аргумент – как прокормить взрослого человека в голодном Душанбе, Алина не стала. Непременно услышала бы укоризненное: мама, тебе что, жалко?

Больше к этому вопросу не возвращались. Уезжая в командировки, дочь оставляла теперь сынишку с Настей, – это было удобней, Алине не приходилось водить его в школу, а после уроков встречать.

Уже засыпая, Алина вспомнила, как вскоре после февральских событий 90-го, пришла на железнодорожный вокзал, надеясь среди отъезжающих встретить знакомых попросить бросить в Москве письма, иначе они не доходили. Ничего не получилось: поезд брали на абордаж, к вагонам было страшно подступиться. Один к одному – кинохроника революции и гражданской войны. И тут увидела портниху Люсю, с которой выросла в одном поселке и у которой время от времени шила что-нибудь из одежды. Та металась по перрону с зажатыми в кулаке смятыми деньгами, пытаясь пробиться к проводнику. В стороне, с застывшим лицом, отрешенно стояла ее двадцатилетняя дочь – единственный поздний ребенок. Когда поезд ушел, Алина окликнула Люсю. Та долго смотрела на нее безумными глазами, наконец узнала, они разговорились. Оказалось, что когда озверевшая толпа громила город, Люся с дочерью волею случая оказались в ее эпицентре. Люсю несколько раз ударили, сбили с ног, едва не затоптали, дочку потащили в пустой автобус, разорвали на ней кофту, от изнасилования ее спасло только то, что в это время кто-то поджег автобус.

– Куда же вы, Люся уезжаете?

– Не знаю пока. Доедем до Москвы, а оттуда до какой-нибудь станции на электричке. Сниму угол у добрых людей.

– Квартиру-то продала?

– Ты же знаешь мою квартирку. Кто ее купить, хрущевку в микрорайоне? На проезд деньги есть, да на первое время, а там что Бог даст. В колхоз пойдем работать, шить стану. Нам бы только уехать, только бы от страха избавиться. И днем, и ночью боимся, я уже давно спать перестала. Только билетов достать никак не могу. Хотя тут и с билетами остаются на перроне. Кто влез, тот и поехал…

Вот ведь как уезжают люди. А им с Костей что – к сыну, к родне. Да там и земляков уже немало, во Владимирской области. Только Андрей пять семей перетянул, всех прописал, помог устроиться на работу. Все будет хорошо. Продать квартиру – и на самолет… Лишь бы продержалось это хрупкое равновесие, этот шаткий мир, эта договоренность недавно созданного коалиционного правительства…

Утром их разбудил телефонный звонок, и Алина вовсе не подосадовала на то, что прерван сон. Она уже давно относилась к телефону как к одушевленному существу. Вторую зиму не было ни отопления, ни газа, часто сидели без электричества, а телефоны в городе работали, ну, не чудо ли? Если долго не было звонков, Алина поднимала трубку с замиранием сердца, – вдруг оборвалась последняя связующая ниточка с родными и близкими? Услышав сигнал, вздыхала с облегчением и, бережно спуская ее на рычаг, приговаривала: ты уж держись, дружок, без тебя совсем будет худо.

Звонила Лена, вернулась вчера вечером из командировки, привезла тревожные новости: в Курган-тюбе идут бои, на Гармском направлении стягивает силы полевой командир Махмуд.

– Лена, мы уже отправили контейнер, так что в понедельник еду с Шавкатом оформлять куплю-продажу. Ты тоже давай со своим «киношником» приходи, чтобы все сделать одновременно, не ждать друг друга. Здесь промедление, сама понимаешь, чему подобно…

Повисла долгая пауза.

– Мама, я не еду.

– Что значит не еду? У тебя что-то случилось?

– Ничего. Я собиралась завтра к вам придти, поговорить, но может даже лучше сразу, по телефону. Понимаешь, мне надо самоутвердиться…

– Ну-ка повтори еще раз, чего тебе надо?

– Самоутвердиться. Что ж здесь непонятного? Все очень просто. Знаешь, я всегда была вашей дочерью…

– А это что, не так? Или теперь уже не дочь?

– Мама, не в этом смысле… Просто мне надоело, когда меня представляют: А это Елена, дочь поэта Константина Пашкова… Есть еще вариант: дочь писательницы Батуриной. А мне хочется, чтобы обо мне сказали просто: журналистка Елена Пашкова. Я не исключаю, что кое-кто и сейчас считает, что ты пишешь за меня репортажи, а я только фактаж привожу.

– Что за бред ты несешь! Значит, чтобы потешить свое самолюбие, ты готова рисковать не только своей жизнью, но и жизнью ребенка?

– Нет, ребенка отдам вам, так и быть, забирайте с собой в Россию.

Алина удрученно молчала, и Костя, внимательно прислушивавшийся к их разговору, взял из ее рук трубку.

– Ну-ка, давай, Лена, еще раз, четко и толково.

Слушал, ни разу не прервав и не переспросив, а в конце разговора сказал:

– Решила, значит решила. Ты взрослый человек.

– Но, Костя!.. – вскрикнула было Алина.

– Пусть остается.

Алина пошла на кухню поплакать.

Много лет назад, когда девочки были еще маленькие, отец благословил их в дорогу таким стихотворением:

Измотанная дорогами,
Обалделая от забот,
Влюбленною недотрогою
Пусть каждая проживет.
Пройдет мимо лжи и зависти,
Через горе и трусость,
Благополучье покажется
Чем-то пресным и грустным…
В пеленках планета – няньчить,
В тревоге мир – приласкаться,
Идите в геологи, в прачки,
В физику, в авиацию,
Живите трудно и строго —
Благословляю в дорогу.
Благословляю цветами,
Зеленой вьюгой и ветром,
Благословляю утратами,
Надеждами и приметами,
Благословляю пустыней,
Морем и лунной ночью,
Хлебом, тоской и милыми,
Дочери мои, дочери…

Сегодня он это благословение подтвердил. И с этим Алина ничего не могла поделать.

ФАНТИК ОТ ИРИСКИ

В послевоенные годы в нашем поселке было много нищих. Не только своих, постоянных, но и временных, тех, кто побирался по поездам. Их еще называли вагонными. Добравшись до теплого города, они шли прежде всего в наш поселок, так как находился он сразу за железной дорогой. Правда, молодые калеки, особенно безногие, устраивались на ступеньках моста, перекинутого через рельсы. Душанбе (в то время Сталинабад) был и остается тупиковой станцией. Поэтому многие побирались здесь лишь день или два и уезжали вновь с московским или ашхабадским поездом. Некоторые жили подолгу, а бывало, оставались совсем.

Так прижился у нас в соседях безногий Веня. На мосту он сидел вместе с парнем, у которого по локоть не было рук. Просили милостыню они не жалостливо, а весело, с прибаутками. Веня играл на гармошке, а Слава пел песни. Когда по мосту шли девушки, они заговаривали с ними, шутили, просили если не монету бросить, то хоть постоять, поговорить. Вечерами они отправлялись в «забегаловку», сколоченную прямо у моста и выкрашенную в голубой цвет. Веня ел сам и кормил с ложки Славу, а также подносил ему стаканчик с водкой, и тот ловко прикусывал его за край и, моментально вскинув голову, опрокидывал. Ему даже хлопали за это. А потом они шли вместе в железнодорожный парк. Вернее, Слава шел, а Веня ехал рядом на своей платформочке. Контролер тетя Даша бесплатно пропускала их в летний кинотеатр. Была она некрасивая, рябая, с тремя детьми, но жила в хорошем добротном доме, у нее была небольшая пасека. Она-то и приглядела для себя Веню. В поселке выбор ее одобрили. Говорили: какой-никакой, а мужик. И никто не подумал о безруком Славе. Несколько

дней он тоже пожил у тети Даши, а потом она его выпроводила. Я играла во дворе с детьми тети Даши и все это видела. Слава не хотел уходить, плакал и все смотрел на Веню, а тот молчал, хотя тоже утирал рукавом слезы, а Славе даже утереться было нечем.

– Ступай-ступай, – торопила тетя Даша. – Что ж теперь делать. Тебя, сам понимаешь, ни к какому делу не приспособишь. А иждивенцев у меня своих трое.

Тогда я побежала домой и кинулась к бабушке:

– Давай возьмем Славу себе замуж, – просила я. – Он даже есть сам не может!

– За кого же мы его возьмем? – вздохнула бабушка. – За тебя или за меня?

– Конечно, за меня. У тебя дед есть и ты-то только стариться будешь, а я, пока он поживет, подрасту.

Была уверена, что моя добрая бабушка согласится, но она не согласилась. Только собрала немного еды, сложила в полотенце, оставив свободными два конца, и сказала: догони, подвяжи к плечу. Встретит добрых людей – покормят.

Но я его не догнала.

По поселку же в основном ходили старики и старухи, а также молодые женщины с детьми. Иногда забредали величавые старцы-дервиши с высоким посохом, в цветных ватных (даже летом) халатах-чапанах.

Бабушка всегда подавала нищим. Когда раздавался стук в окно и слышалось: «Подайте Христа ради…», она отдергивала шторку и, взглянув на того, кто за окном, посылала меня с куском хлеба, иногда – если за юбку женщины держались дети, добавляла несколько леденцов или яблочков, или пару яиц. Смотря что было под рукой и в доме вообще. Но иногда, не знаю, по какому выбору, она приглашала приезжих нищих в дом, угощала чаем, а то и супом, детям давала молока и подолгу говорила с ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.